

ДРЕВО МОЛНИИ

Нина Александровна Ягодинцева родилась в Магнитогорске. Окончила Литературный институт им. А.М. Горького. Кандидат культурологии, профессор Челябинского государственного института культуры, секретарь Союза писателей России. Автор более 30 изданий: стихов, цикла учебников литературного творчества, монографий, вышедших в России и Германии, электронной книги литературной критики, переводов с азербайджанского и башкирского языков, аудиодисков со стихами и песнями, — а также более 700 публикаций в литературной и научной периодике России, Испании и США. Лауреат всероссийских и международных премий в области литературы и литературной критики, художественного перевода, научных исследований и творческой педагогики. Живёт в Челябинске.

Подспудна жизнь — она пока
ещё непостижима для меня.
Но это небо, полыхающее грозой
завтрашнего дня,
Но эти яростные молнии,
светящиеся деревья,
Вплавливающие в ночь безмолвия
неумолимые слова...

Всё будто виделось заранее
и воплотилось неспроста —
И это пламя по окраине
небрежно смятого листа,
Где буквам тесно и безвыходно —
но слово складывает Бог,
Где каждый раз за горьким
выдохом молчишь и молишься
за вдох...

Живую карту перекраивая,
век воплощается иной.
Россия, Родина, ты рана моя,
ты воздух обожжённый мой,
Ты — настоящее грядущее,
речь обретающий Псалом.
Ты древо молнии цветущее
на горизонте грозовом.

Идёшь по берегу, легка,
но остановишься невольно:
Покатый шёпот тростника
легко соскальзывает в волны,
Воды касается едва,
её движенью не мешая,
Простые тихие слова
со всхлипами перемежая...

Не так ли у другой воды,
о скалы бьющей белокрыло,
Вот так же всхлипывала ты
и говорила, говорила...
И ни одно из тихих слов
в стихии грохота и гула
Твою печальную любовь
ни на мгновенье не вернуло...

Но так же ни одно из них
не потеряло боль и силу —
Сухой безмысленный тростник
весенним солнцем просквозило,
И вот теперь, золотокрыл,
на тихой набережной мая,
Он слово в слово повторил,
а ты стоишь, не понимая...

Сначала — гул, потом глубокий
звон —
Мне этот звук сравнить,
пожалуй, не с чем:
Так в воздухе, когда курок
взведён,
Уже змеятся миллионы трещин

И ожиданье бесконечно длят,
Плодя неузнаваемые тени,
И сколь ни напрягай усталый
взгляд,
Он мечется в стеклянной
паутине —

И длится звон. Но звон уже
другой —
Так воздух, на осколки
разлетаясь,
Хрустит и серебрится под ногой,
И наступает странная усталость,
И каждый вдох — почти удар
под дых,
И не могу из памяти стереть я
Железный трепет лестниц
винтовых,
Ведущих в небо нового столетья.

Как много шелеста и плеска!
Слух не вмещает эту речь.
И тьма — всего лишь занавеска,
Которую легко совлечь.

За ней, за рамой деревянной,
За лёгким дребезгом стекла
Жизнь предстаёт простой
и странной,
Какой ни разу не была:

В шипучих зарослях малины,
В бокалах яблоневых крон
Июнь налит до половины
И облаками забелён.

И запах — этот нежный запах,
Листвяный, знобкий, росяной —
Стоит до полудня как заводь
Перед излучиной речной...

А дальше светлая истома,
Дымок вечернего костра,
И жизнь всё так же незнакома
И ослепительно проста,

И рядом в тополиной роще
Уже почти не наяву

Ночной сквозняк во тьме
полощет
Отяжелевшую листву...

Из апреля оглянись: что там
зимник — всё ли прочен?
Но уже ушли под лёд
большегрузы новостей.
Дни становятся длинней,
ожидания — короче,
Ветер скатывает в шар
обеснеженную степь.

И в кольцо внутри неё
замыкается дорога:
Сколь машину ни гони —
всё трава да облака,
Ну и рощица насквозь,
ну и речка-недотрога,
Позабывшая свои золотые
берега...

Никого на встрече нет,
чтобы мир уравновесить.
Но механик этих дел —
в ржавой будке на посту
И, тяжёлый небосвод
подцепив за полумесяц,
Над гудящею землёй
поднимает в высоту.

Помнишь номер цирковой,
где в стальном плетёном шаре
Набирает скорость впрок
маленький мотоциклист?
Так и здесь: в какой-то миг
словно полюса разжали —
Небо, гулко задрожав,
отошло куда-то вниз.

И остались только степь
да расчерченная трасса,
Только рощица насквозь,
только речка нараспах...
Только край не потерять
и самим не потеряться
Там, где дымом и бедой
мрак невиданный пропах.

Розовый лоскут тумана,
молодой воды гладь...
Имя у реки Мана —
любоваться и звать.
Тянутся к губам губы, тянется
душа встречь...
Из какой речной глуби лётся
вперекат речь?

Возвращаюсь в ту полночь
по сырой траве лет.
Я твои слова помню, а свои
слова — нет.
Всё — любовь, и так странно —
почему же мир слеп?
Имя у тебя Мана,
сердцу моему хлеб.

Разломить его просто,
раскрошить его — всласть,
Птицам, рыбам и звёздам
высыпать свою часть.
Кажется, в горсти мало,
а разделишь — всем впрок...
Щедрая моя Мана,
радости живой ток.

Подойдёт тайга ближе,
зачерпнёт подолом волну.
Я её лица не увижу, я в глаза
твои загляну.

3.

Мы караулим полночь.
Наша застава
Последняя — город в долине
справа
Спит, и дышит степь утаённым
жаром,
И горизонты гроза обжигает
жалом.

Мы караулим полночь.
В такую полночь
Если кто-то и может прийти
на помощь —
Только с тех высоких ночных
орбит,
Где ходят дозором всадники
Персеид.

Но кони их чернее ночного
мрака,
И мы караулим тьму, ожидая
знака, —
Когда польются искрами
с высоты
Удары о их блистающие щиты.

Пока гроза огнём горизонты
лижет,
Всадники Персеид всё ближе
и ближе,
С бешеным стуком сердца
мгновенно слит
Бешеный стук копыт.

Да, нам сегодня в грядущее
путь неведом —
Но это Млечный Путь,
исполненный светом.
Держитесь, кто в битве,
проснитесь, кто крепко спит, —
Идут на подмогу всадники
Персеид!..

4.

В августе, в полночь,
в немыслимом ветре стоя,
Пять чувств погасить —
и возжечь шестое,
Ибо отсюда ни одному из пяти
В небесную высоту не дано
взойти.

Да, этот новый век
обесчеловечен —
Некому говорить, и ответить
нечем,
В пустоты сознания серным
дымом вползает ложь —
Но ты-то здесь, ты думаешь
и живёшь,

На ладони вулкана над чашею
Аркаима
Вспыхиваешь ясно и неопалимо
И говоришь себе: как могу
посметь я
За жалкий удел отринуть своё
бессмертье?

5.

...И сходятся меч на меч,
и падает щит на щит,
И сыплются чёрные звёзды
с ночных орбит...
Проснитесь, кто крепко спит!
В оглушительный грохот
небесных битв
Вступает тихий шёпот наших
молитв.

Так наступает трава,
пробивая каменный плен,
Так молодой лес шумно встаёт
с колен,
Так ветер идёт штормовой волной
по ночной степи —
Душа, не спи!

Ибо если мы не ответим идущим
встречь —
Зачем нам сердце, зачем нам
родная речь,
Лёд родниковой воды, поцелуй
огня?
Зачем нам эта полночь яснее
дня?

6.
Пора младенческих пелён,
Пора наивных упований
Прошла — и воздух воспалён,
И молнии напоминаний,
Вонзаясь в плоть, горят
как сталь:
Очнись, очнись и вспомни —
кто ты!

Замок — душе, печать — устам
И страха липкие тенёты:
Таись, покуда не задело...

Но нет, не определено
Грядущее. Его пределы
Не здесь — в материи иной.

О небо, говори со мной!

7.
Всадники Персеид сходят
с коней в сухую траву —
И она полыхает во сне
или наяву,
Горит не сгорая, сиянье земное
для, —
Нынче полночь светлее дня.
Видно далёко, за грозы
и горизонт,
За высоту высот.

Видно так, как бывает в жизни
один лишь раз.
Ибо тот, кто увидел, —
провидит это всегда.
Вот с высоты ещё одна сорвалась
Звезда —

Кто-то ударил мечом
о зеркальный щит,
Значит, вдали битва ещё кипит —
Взлетают в сёдла всадники
Персеид.

Нас было двое. Мы оба видели
это.
Мы слышали дальнего боя
гулкое эхо.
Спящих будили — и поднимали
падших.

Небо — за нас. И мы за него —
тем паче.

Такие были сильные снега —
До сей поры стоит вода
в долинах.
И небо, размывая берега,
Волнуется в высотах соколиных.

И как шампанским праздничный
бокал
Исполнен мир весенней лёгкой
дрожью —
И так легко, взмывая к облакам,
Одoleвать сырое бездорожье,

Ведя по краю лезвие крыла,
Кроить неспешно полотно
земное,
Пока ещё на сердце не легла
Истома ослепительного зноя.

Храня несокрушимый Образ Твой,
Душа живёт с такой нездешней силой!
Но замирает: Господи, помилуй... —
Над этой жизнью, грубой и простой:

Вот мусор у цветущего куста —
Пакеты, стёкла, банки из-под пива,
А пьяный улыбается счастливо
И говорит: какая красота!

Вот одуванчик сорван и измят,
Вот беспризорный воробьиный слётток,
Вот полон слёз, но бесконечно кроток
Усталый и прекрасный женский взгляд...

Жестокий век уже сорвал печать
И выпустил на волю ужас бездны,
И кажется, наивно бесполезно
Грядущему грядущим отвечать...

Но всё, что беспечально снизошло,
Твоей безмерной милостью отмечено,
Когда-то было сумрачно и вечно,
А станет и мгновенно, и светло.

И так восходит солнце каждый день,
И одуванчик сорванный не гаснет,
И жизнь своею истиной безгласной
Течёт, не иссякая, сквозь людей.

